

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Нравственность подвига (Василь Быков).....	8
Жестокость войны (В. Астафьев).....	17
Образ героя. «Василий Теркин».....	20
Подвиг человека на войне (М. А. Шолохова «Судьба человека»).....	26
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	29
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	32

ВВЕДЕНИЕ

История человечества изобилует войнами. Но войны, подобной второй мировой, мир не знал никогда. Развязанная немецким фашизмом, она втянула в свою огненную орбиту десятки стран, сотни миллионов людей, страшной, кровавой метой пометив 30—40-е годы нашего столетия. Более 56 миллионов человеческих жизней унесла эта война, сотни тысяч городов и сел сравняла с землей.

В 1941 году вторая мировая война вступила в свою основную и решающую фазу. Вероломно нарушив Пакт о ненападении, гитлеровские войска 22 июня начали наступление на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа, во многом определившая дальнейший ход всей мировой истории. Как не было ничего равного этой войне в истории человечества, так и в истории мирового искусства не было такого количества различного рода произведений, как об этом трагическом времени.

Тема Великой Отечественной войны стала на долгие годы одной из главных тем литературы XX века. Причин тому много. Это и непреходящее осознание тех ничем невозполнимых потерь, которые принесла война, и острота нравственных коллизий, которые возможны лишь в экстремальной ситуации, и то, что из советской литературы надолго было изгнано всякое правдивое слово о современности - тема войны оставалась порой единственным островком подлинности в потоке надуманной, фальшивой прозы, где все конфликты, согласно указаниям "свыше", должны были отражать борьбу хорошего с лучшим.

Особенно сильно тема войны прозвучала в советской литературе. С первых же дней грандиозной битвы наши писатели встали в один строй со всем сражающимся народом. Свыше тысячи писателей были на фронтах Великой Отечественной войны, «пером и автоматом» защищая родную землю.

Высокая патриотическая миссия служения своему народу всегда отличала отечественное искусство, и потому-то наряду со страстным словом художников-современников звало советских людей на борьбу с врагом и бессмертное искусство прошлого.

Великая Отечественная война явилась проверкой всех жизненных сил нашего народа, нашего социалистического строя. В этой войне в смертельной схватке сошлись не просто две армии, два государства. Бой вели и две идеологические системы, две морали. Звериной человеконенавистнической морали фашизма советский народ противопоставил самую высшую, самую справедливую, самую гуманную коммунистическую мораль, что во многом и определило и исторически обусловило закономерность нашей Победы.

«Во всякой войне,— учил В. И. Ленин,— победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести».

Решающую роль в истории отводился сознательным народным массам. Народ — творец истории и ее основной двигатель. И в годы войны советский народ творил историю, защищая все самое высшее, передовое и справедливое от гибели и разрушения, показав всему миру величайшую стойкость и массовый героизм, который вынуждены были признать даже враги.

Массовый героизм советских людей возник не на пустом месте. За ним — цементирующая сила большевистской партии, новый, самый передовой и справедливый социальный строй, опыт революции и гражданской войны.

Не случайно выдающийся советский полководец Георгий Константинович Жуков отмечал обострившееся во время войны чувство любви к Отечеству.

Минувшая война была для нашей страны войной справедливой, освободительной. Но, отстаив свою независимость, выполнив свой патриотический долг, советские люди выполнили и долг интернациональный: народы Европы были освобождены от фашистского рабства. И в этом огромная заслуга перед человечеством нашего народа, нашей армии.

Именно величие бессмертного героического подвига нашего народа в Великой Отечественной войне, нетленная Память о понесенных жертвах и является главной причиной, заставляющей вновь и вновь обращаться к военной теме советских писателей, стремящихся правдиво и художественно убедительно показать, как выстоял советский человек в огненные годы, как и почему он победил.

Другая немаловажная причина постоянного внимания художников слова к теме Великой Отечественной войны — ее предельная актуальность. В лучших произведениях о войне, раскрывающих конфликты и проблемы того времени, мы находим ключ к решению проблем сегодняшнего дня и прежде всего проблем нравственных.

Тема **морали, нравственных исканий** активно разрабатывается всей нашей литературой. Но особенно, пожалуй, значительны здесь достижения в прозе о войне. Именно война с ее трагизмом и героизмом, с ее нечеловечески тяжелой повседневностью, с предельной поляризацией добра и зла, с ее кризисными ситуациями, в которые то и дело попадает человек и в которых наиболее ярко высвечиваются его основные человеческие качества, дает художникам слова богатейший материал для освещения нравственных, этических проблем.

Актуальность и злободневность военной темы проявляются и в том, что она является предметом острой идейной борьбы. Значение этой темы далеко выходит за пределы самой войны, органически связано с основными политическими проблемами нашего времени.

Проза о Великой Отечественной войне всегда находилась и находится сегодня на самых передовых рубежах идеологического фронта, ведя, с одной стороны, непримиримую борьбу против сил милитаризма и реакции, против тех, забывших уроки истории идеологов и писателей Запада, что призывают к новой войне, а с другой — остро полемизируя с теми прогрессивными и честными зарубежными художниками, которые, проповедуя пацифистские идеи, отрицают не только войны захватнические, но и справедливые, освободительные.

Проза об Отечественной войне, возникнув в первые же дни великой битвы, имеет уже более чем сорокалетнюю историю и славные традиции, прочно связанные с традициями всей русской и советской литературы.

Литература наша, в частности проза, без сомнения, сегодня — одна из самых интересных и значительных на планете. Даже несколько имен из довольно большого числа активно сейчас работающих талантливых наших писателей составили бы гордость и славу любой национальной литературы мира.

И сама жизнь уже продолжает ряд, ставит вслед за классиками имена современных советских писателей.

Это не значит, конечно, что они «сравнились» с классиками, достигли «поднебесных вершин» литературы. Но, несомненно, талантливейшие из них — достойные последователи и продолжатели традиций отечественной словесности, вне которых любые попытки творчества оказываются бесплодными.

Память о войне. Она не стирается, не тускнеет с годами. Потому, наверное, что это не только память отдельных людей или одного поколения. Это Память Народа, навечно врубленная в его историю, в его настоящее и будущее, в его национальное самосознание. И каждая новая книга о войне — лишнее тому подтверждение. А книг таких появляется все больше и больше, как и художников, пишущих на эту тему.

Для того, кто познакомился с творчеством писателей-фронтовиков, кто узнал и полюбил их героев, наверняка будет существовать наряду с миром Толстого и Достоевского, Шолохова и Леонова и мир Юрия Бондарева, Василя Быкова, Евгения Носова, Виктора Астафьева, мир неповторимый, широкий и распахнутый, вобравший в себя важнейшие «импульсы эпохи», отразивший ее драматические противоречия. Сила неповторимого воздействия их книг заключается в мощном, истинно народном таланте художников, в том, что героями их являются «главные герои человеческого бытия — Личность, История, Борьба, Время, Нравственность как социальная совесть, освещенные надеждой» (Ю. Бондарев).

Талант этих писателей — талант во многом трагический. Но если иметь в виду радость открытия нового, напряженные раздумья над смыслом человеческого бытия, нравственное очищение — все то, чем всегда сильно было истинное искусство, то это именно праздник, который дарят художники слова своему читателю.

Книги этих художников несут в себе и огромный воспитательно-патриотический заряд. За каждой их строкой — беззаветный героизм советских людей, отвага и стойкость — все то, чем в полной мере обладало поколение Писателей-фронтовиков и что так необходимо сегодняшней молодежи.

НРАВСТВЕННОСТЬ ПОДВИГА

(Василь Быков)

«Меня интересует, в первую очередь, не сама война, даже не ее быт и технология боя, хотя все это для искусства тоже важно, но, главным образом, нравственный мир человека, возможности его духа» (Василь Быков).

В. Быков остался верен главной — и единственной — теме своего творчества — теме Великой Отечественной войны; он стремился на «локальном» материале «глобально» исследовать характеры своих героев, нравственную и гражданскую сущность; не соблазнился столь заманчивой перспективой отображения яркого, внешне эффектного героического деяния. Во всех его произведениях звучит всегда столь дорогая писателю мысль, что не все подвластно грубой и безжалостной силе, что есть нечто гораздо более могущественное, чем сила оружия. Это «нечто», как всегда у Быкова,—мораль, нравственность, лежащие в основе основ бытия человека и кардинально определяющие его поведение, его выбор в критических жизненных ситуациях, особенно жестоких и трагических во время военного лихолетья. Именно тогда, глубоко убежден писатель, наиболее ярко обнаружилась «важность человеческой нравственности, незыблемость основных моральных критериев».

Обостренный интерес к нравственному миру человека, возможностям его духа был замечен у Быкова с самого начала его творческого пути, с первых рассказов и повестей конца 50-х — начала 60-х годов. Уже в этих произведениях основной, чисто военный конфликт переплетается с конфликтом нравственным. Герои «Журавлиного крика», «Третьей ракеты», «Фронтальной страницы» борются не только с фашистами, но и с подлецами, трусами, приспособленцами в собственных рядах, неся как бы двойную нагрузку. В последующих произведениях эта творческая направленность писателя проявилась еще более наглядно.

Разрабатывая нравственную проблематику на материале минувшей войны, В. Быков поднимает те глубинные пласты нравственной жизни общества, которые находятся и сейчас, сегодня, сию минуту в противоборстве, становлении, кипении страстей и мнений.

И не случайно в некоторых его произведениях, таких, как «Обелиск», «Волчья стая», действие переносится и в день сегодняшний.

Василий Владимирович Быков не устает напоминать нам своими произведениями о величии бессмертного подвига советского народа в дни войны, о той незримой, но прочной связи, что соединяет сегодняшнее поколение с поколением военных лет.

«Проблема героизма во время войны,— сказал В. Быков в одной из бесед,— является решающей, главной. Смелость, отвага, презрение к смерти — вот те основные качества, которыми определяется достоинство воина. Но в мирное время мы не идем в разведку, презрение к смерти от нас не требуется и отвага нам необходима лишь в чрезвычайных ситуациях. Однако то, что в войну стояло за героизмом, питало его, было его почвой,— разве это утратило свою силу? Да, мы не ходим сегодня в разведку, но это обстоятельство не мешает нам и теперь ценить в товарище честность, преданность в дружбе, мужество, чувство ответственности. И теперь нам нужны принципиальность, верность идеалам, самоотверженность,— это и сейчас определяет нашу нравственность, как в годы войны питало героизм. А воспитание коммунистической нравственности — первоочередная задача литературы.¹ Литература должна, не переставая, бить в свои колокола, настойчиво пробуждая в людях потребность в высокой духовности, без которой любой самый высокий прогресс материальной культуры будет не в радость»².

¹ Быков В. Великая академия – жизнь. – С.128

² Там же. – С. 129

Именно этим предельно актуальным и современным звучанием произведений В. Быкова объясняется глубокий интерес самого широкого круга читателей.

Сюжетно повествование быковских произведений организовывалось вокруг какого-либо одного, подчас незначительного, с точки зрения общей стратегии войны, эпизода, а для всего полотна были характерны реалистическая достоверность изображаемого, яркость и сочность красок.

В повестях Василя Быкова мы не увидим ни грандиозных танковых сражений, ни решающих операций. В. Быков все свое внимание уделяет внутреннему миру человека на войне, стремясь правдиво и художественно верно показать величие духа людей, истоки их беспримерного героизма. Крупный план он отдает всегда солдатам. Рядовым войны.

Есть у творческого поиска Быкова и другая, ясно видимая закономерность: почти каждая новая повесть его — при всей своей самостоятельности, полноте и законченности — является в то же время в какой-то степени продолжением предыдущих его книг. Быков от повести к повести возвращается к волнующим его мыслям, развивая их и углубляя, и продвигаясь, таким образом, все дальше и дальше в решении центральной для всего его творчества проблемы — проблемы героизма.

Героика у Быкова отлична от тех устоявшихся представлений, которые, к сожалению, свойственны поверхностному пониманию подвига. Героизм в его произведениях начисто лишен внешнего блеска, эффектной красоты, «героического» ореола. Писателя интересует «душа» подвига — нравственность.

«Во время войны,— писал В. Быков,— как никогда ни до, ни после нее, обнаружилась важность человеческой нравственности, незыблемость основных моральных критериев. Не нужно много говорить о том, какую роль тогда играли и героизм и патриотизм. Но разве только они определяли социальную значимость личности, поставленной нередко в обстоятельства

выбора между жизнью и смертью? Как известно, это очень нелегкий выбор, в нем раскрывается вся социально-психологическая и нравственно-этическая суть личности. Мне думается, что было бы неразумно и нерасчетливо пренебрегать этим, миллионами вынесенным из войны опытом, к тому же оплаченным столь дорогой ценой. И меня интересует, в первую очередь, не сама война, даже не ее быт и технология боя, хотя все это для искусства тоже важно, но, главным образом, нравственный мир человека, возможности его духа»³.

Не просто выстоять и победить, но выстоять, победить и остаться в этой жестокой, нечеловечески трудной борьбе человеком, противопоставив фашизму и его исполнителям, которых Гитлер освободил от совести, человечности и даже элементарной житейской морали, не только силу оружия, но и силу убежденности в правоте своего дела, силу коммунистической нравственности,— вот главное для героев произведений В. Быкова.

Поиск Быкова не был однолинейным. Споры и полемика — они шли от сложности и некоторой противоречивости осмысления событий войны художником. От его видения определенных проблем и нравственных ценностей. От его постижения их и художественного осмысления.

Причем, если ранние его вещи почти единодушно оценивались читателями и критикой как творческие удачи писателя, то в оценке более поздних произведений — особенно ; повестей середины — конца 60-х годов — такое единодушие было явлением, крайне редким.

Единодушно отмечали его психологизм, стремление глубоко и всесторонне показать характер человека на войне, умение правдиво и точно передать атмосферу фронтовой повседневности, ее трагизм. Но писали и о другом — о некотором «сгущении красок», «искусственности ситуаций», «повторяемости» и «сходности» сюжетных ходов.

³ Быков В. Великая академия – жизнь. – С. 127

Уже в ранних повестях Быкова, как говорилось, основной чисто военный конфликт переплетается с конфликтом нравственным. Шаг за шагом ведет Быков своих героев через цепь жестоких обстоятельств, постепенно обнажая то главное, что в них заложено. – силу духа, непоколебимость убеждений, нравственную бескомпромиссность в одних, малодушие, беспринципность, душевную черствость, жестокость в других.

Вставшие перед проблемой решающего выбора герои Быкова, как правило, могут сохранить себе жизнь. Но какой ценой? Им для этого порой не надо даже вставать на путь предательства. Нужно лишь немного, отступить от своих собственных принципов, пойти против собственной совести. Но в том то и сила быковских героев, что они не признают нравственных компромиссов, какими бы мелкими и незначительными они на первый взгляд не казались. Нравственные ситуации лежат в основе произведений и находят свое отражение в произведении «Сотников».

«Никому не хотелось лишаться своей единственной и такой нужной ему жизни,— писал Быков в статье «Как создавалась повесть «Сотников»,— и только необходимость до конца оставаться человеком, советским человеком, заставляла идти на смерть... В то же время находились люди, которые пытались совместить несовместимое — сохранить жизнь и не погрешить против человечности, что в определенных трагических обстоятельствах оказывалось невероятно трудным, если не совсем безнадежным»⁴.

Именно таким человеком, попытавшимся «совместить несовместимое», оказался Рыбак, решивший ради сохранения собственной жизни «поторговаться» с фашистами и слишком поздно осознавший всю гибельность своего первого неверного шага, который привел его в конце концов в лагерь его бывших врагов — полицаев.

⁴ Быков В. Как создавалась повесть «Сотников». – С. 101

«Природа предательства,— писал В. Быков,— во всех видах отталкивающая и предосудительна, какими бы мотивами это предательство ни руководствовалось и какие бы благие цели ни преследовало. В этой связи будет нелишним, я думаю, вспомнить о некоторых спорах вокруг одного из персонажей моей повести «Сотников». Я имею в виду Рыбака. Мне думается, что причина падения Рыбака в его душевной всеядности, несформированности его нравственности. Он примитивный прагматик. Война для него – простое до примитива дело. Он не враг по убеждениям и не подлец по натуре, но он хочет жить вопреки возможностям, в трудную минуту игнорируя интересы ближнего, заботясь лишь о себе. Нравственная глухота не позволяет ему понять глубину его падения. Только в конце он с непоправимым опозданием обнаруживает, что в иных случаях выжить не лучше, чем умереть, но чтобы постигнуть это, ему пришлось пройти целый ряд малых и больших предательств, соглашательства, уступок коварному и хитрому врагу, каким был немецкий фашизм. В итоге — духовная гибель, которая оказывается горше и позорнее физической гибели»⁵.

Признавая в общем справедливость оценки Рыбака В. Быковым, хочется в то же время отметить, что в этом высказывании писатель, хотел он того или нет, несколько упростил, «выпрямил» характер своего героя. В повести Рыбак сложнее и интереснее.

Можно ли, как это делает Быков, с такой категоричностью утверждать, что война для Рыбака «простое до примитива дело». И можно ли так уверенно сказать, что в трудную минуту Рыбак «игнорирует» интересы ближнего, заботясь лишь о себе? Вряд ли.

В Рыбаке, безусловно, есть многое из того, о чем сказал Быков. Но есть и другое — смелость, отвага, ненависть к врагу («Ах, гады, гады»,— говорит он, стоя у разрушенного немцами хутора), чувство солдатского товарищества. Вот идут они голодные и замерзшие, проваливаясь в снег, по

⁵ Быков В. Великая академия – жизнь

своим партизанским делам,— впереди Рыбак, сзади захлебывающийся кашлем больной Сотников. «Рыбак откуда-то из-за пазухи вытащил замусоленное, будто портянка, вафельное полотенце и, отряхнув его, повернулся к Сотникову.

- На, обмотай шею. Все теплей будет.

- Да, ладно...

- На, на! Оно знаешь как греет!»

И на всем дальнейшем пути Рыбак заботится о Сотникове, помогает ему. А когда случайно встреченные полицаи ранят Сотникова и он лежит в заснеженном поле, слабо отстреливаясь и готовясь к смерти, Рыбак, успевший отбежать довольно далеко и находящийся уже вне опасности, рискуя жизнью (поле, где лежал Сотников, было видно полициям как на ладони), возвращается к товарищу и выносит его из огня. И делает это не потому, что, боится товарищеского суда. Просто в его характере (и это никак нельзя отрицать) есть такие черты и качества, как солдатский долг (вспомним, что Рыбак — старшина-сверхсрочник), чувство коллективизма и товарищеской взаимовыручки, ответственность за порученное дело. Недаром голодный и уставший Рыбак, стоя перед сожженным хутором, где мечтал «подрубать», думает не столько о себе, сколько о товарищах, оставшихся в лесу: «И не так важно было, что сами остались голодными,— больше тревожила мысль о тех, которые мерзли теперь на болоте».

Все эти положительные качества есть в Рыбаке, и они помогают ему быть среди партизан далеко не последним.

Но вот наступила крайняя, решительная минута, и обнаружилось, что нет в Рыбаке главного — твердой нравственной основы. До конца боролся Рыбак против страшной силы обстоятельств, боролся даже больше и решительнее, чем Сотников, стремясь выйти в этой жестокой борьбе победителем. Но наступила минута выбора — выбора между жизнью и смертью. И Рыбак выбрал жизнь. Выбрал, искренне считая в своей

нравственной глухоте и близорукости, что не совершает никакого предательства, что, поступая так, обманывает немцев и «может еще и вывернется и тогда уже наверняка рассчитается с этими сволочами за его жизнь и за свои страхи тоже».

Чуть позже он поймет всю безвыходность своего положения, ясно увидит тупик, в котором оказался. И побежит в уборную, чтобы повеситься. Но ремня нет. Его отняли. А вместе с ним отняли и смерть: «...уходила последняя возможность свести счеты с судьбой».

Мастерски передано писателем внутреннее состояние Рыбака, когда тот, еще переполненный радостью (гибель откладывалась!), вдруг с ужасом понимает, что ему теперь уже не уйти в лес к партизанам, как он это надеялся сделать, что теперь он для них предатель. Что ликвидация его товарищей по камере и его, Рыбака, ликвидация. Не физическая — нравственная.

Раненый, больной, изуродованный Сотников в крайнюю минуту решительного выбора оказался сильнее Рыбака. Трагической силе обстоятельств он противопоставил свою волю, нравственную бескомпромиссность, оставаясь в самых нечеловеческих условиях человеком. Сотников гибнет. И гибель его не приносит прямой практической пользы. Но тем не менее он не бесполезная жертва жестоких обстоятельств. Он — герой. Ибо смерть его — это пример для тех людей, что собрались у места казни. Пример мужества, стойкости, самоотверженности в борьбе с врагом. Пример человеческого достоинства.

В образах своих героев, выписанных сильно и глубоко, Быков показал простых советских людей, на плечи которых всей тяжестью легли события Великой Отечественной войны и которые стойко и мужественно вынесли все выпавшие на их долю испытания.

Но в произведениях Быкова последних лет, произведениях наиболее ярких и талантливых, не все можно принять безусловно и не со всем до конца согласиться.

Сосредоточивая основное внимание на психологии подвига, исследуя его нравственную сторону, писатель порой недостаточное внимание уделяет раскрытию другого немаловажного «лика» героики — ее действенности. Мы часто не ощущаем в его повестях накала активной вооруженной борьбы, которая, в конечном счете, и определила нашу победу. А как хотелось бы увидеть героя, раскрывающегося в наиболее напряженные мгновения реальной схватки. В сфере действия, а не только в сфере духа.

Герои Быкова - и Ляхович, и Преображенский, и Сотников, и Мороз раскрываются полностью лишь в тот момент, когда остаются один на один с врагом и собственной совестью. Когда вооруженному противнику они, безоружные, могут противопоставить лишь мужественную твердость и нравственную бескомпромиссность, становящуюся в тех жестоких условиях истинным героизмом.

Отсутствие решительности, боевой активности — этих важнейших качеств, столь необходимых воину, солдату, ведущему жестокий и бескомпромиссный бой с врагом, ясно ощущается в характере главного героя. Во всем его поведении чувствуется какое-то равнодушие к собственной жизни, которой он «не слишком дорожил» и «которая давно не была для него удовольствием, а с некоторых пор перестала быть и обязанностью».

Как бы драматично ни складывались обстоятельства, как бы ни поворачивалась жизнь, герои Быкова всегда следуют народным нравственным нормам, переступить через которые для них все равно, что переступить через самих себя, через собственное, всей нелегкой жизнью выстраданное человеческое достоинство.

Центральная, самая дорогая для писателя мысль, составляющая дух и смысл его творчества, заключается в том, что подвиг, как бы внешне «незначительно» он ни выглядел, обусловлен нравственным миром человека, его внутренней человеческой сущностью, его пониманием своей

личной ответственности — ответственности перед людьми, перед Родиной, перед собственной совестью.

Жестокость войны

(В. Астафьев)

Не умолкает война и в творчестве Виктора Астафьева, для которого тема народного подвига, по собственному его признанию, тема святая.

О тех молодых парнях, с которыми пришлось писателю воевать, но которым не довелось дожить до Победы, и написал он одну из лучших своих, одну из самых “трудных и больнее доставшихся ему вещей” — повесть “Пастух и пастушка”. В этой повести воссоздан образ чистой любви, жизнь человеческих душ, войной не смятых, не подавленных. “Современная пастораль” — такой подзаголовок, многое определяющий и проясняющий в идейном звучании произведения, дал писатель своей повести, в которой есть любовь и счастье — эти главные приметы традиционной пасторали.

Показать антигуманную сущность войны, ломающей и коверкающей судьбы, не щадящей самые светлые и чистые человеческие чувства, уничтожающей самую жизнь,— вот, пожалуй, главная задача, которую ставил перед собой В. Астафьев, создавая «Пастуха и пастушку».

И не случайно после своеобразного вступления, сразу же, с первой строчки вносящего в повествование щемящую ноту печали,— немолодая уже женщина, идущая по пустынному полю («И брела она по дикому полю, непаханому, нехоженому, косы не знавшему»), опускается на колени перед одинокой могилой и спрашивает кого-то, видимо очень ей близкого и дорогого: «Почему ты лежишь один посреди России?» — следует первая часть, названная коротко и определенно — «Бой». В. Астафьев как бы погружает нас в атмосферу войны, густо насыщенную болью, неистовством, ожесточением, страданием, кровью, смертью. Мы будто присутствуем там, будто видим и чувствуем то, что видят и чувствуют герои повести — настолько живописно здесь перо художника.

«Орудийный гул опрокинул и смял ночную тишину» — этой фразой В. Астафьев начинает первую часть, а дальше в мельчайших подробностях рисует картину ночного боя, в которой наиболее впечатляющей и запоминающейся получилась сцена рукопашной схватки.

«Началась рукопашная. Оголодалые, деморализованные окружением и стужею, немцы лезли вперед безумно и слепо. Их быстро прикончили штыками. Но за этой волной накатила другая, третья. Все перемешалось, дрожь земли, мерзлые, с визгом откаты пушек, которые били теперь и по своим и по немцам, не разбираясь, кто где. Да и разобрать уж ничего было нельзя.

Борис и старшина держались вместе. Старшина — левша, и в сильной левой руке он держал лопату, а в правой — трофейный пистолет. Он не палил куда попало, не суетился. Он и темноте видел, где ему надо быть. Он падал в сугроб, зарывался, потом вскакивал и делал короткий бросок, рубил лопатой, стрелял и отбрасывал что-то с пути.

Дивясь его собранности, этому жестокому и верному расчету, Борис и сам стал видеть бой отчетливей и понимать, что взвод его жив и дерется, но каждый боец дерется поодиночке, и нужно знать солдатам, что он с ними. Но на пути ко взводному все время оказывался Мохнаков и оборонял его, оборонял себя и взвод. Пистолет у старшины выбили, или обойма кончилась. Он выхватил у раненого немца автомат, расстрелял патроны и остался с одной лопаткой. Отоптав место возле траншеи, Мохнаков бросил через себя одного, другого тощего немца, но тут выбился из тьмы еще один, с визгом, по-собачьи впился зубами в ногу старшины, и они клубком покатались в траншею, где копошились в снегу и комках земли раненые, от боли и слепой ярости воя и бросаясь друг на друга...»

Эта сцена написана опять же не ради простого фотографического отображения «окопной правды». И не для того только, чтобы «выплеснуть» на бумагу все то, что навсегда врезалось в душу, в память

бывшего фронтовика. Эта часть, как уже говорилось, фактически начинающая повесть, призвана подвести читателя к основной мысли произведения — о противоестественной природе войны, заставляющей людей убивать друг друга. И больше того — о страстной надежде, вере в то, что война станет историческим, нравственным уроком человечеству, что подобное кровопролитие никогда больше не повторится.

Центральной в произведениях Астафьева является мысль об антигуманности войны, о том поистине всенародном горе, что несла она с собой.

Писатель погружает нас в атмосферу войны, густо насыщенную болью, неистовством, ожесточением, страданием, кровью. Вот картина ночного боя: “Началась рукопашная. Оголодалые, деморализованные окружением и стужей, немцы лезли вперед безумно и слепо. Их быстро прикончили штыками. Но за этой волной накатилась другая, третья. Все переменялось, дрожь земли, тертые с визгом откаты пушек, которые били теперь и по своим, и по немцам, не разбираясь, кто где. Да и разобрать уже ничего было нельзя”. Эта сцена с жутким реализмом призвана подвести читателя к основной мысли повести: о противоестественности, заставляющей людей убивать друг друга. Вне этой главной мысли нельзя понять трагедии лейтенанта Бориса Костаева, умершего в госпитале, которому война подарила любовь и тут же отняла ее. “Ничего невозможно было поправить и вернуть. Все было и все минуло”. В повести “Пастух и пастушка”, произведении большого философского смысла, наряду с людьми высокого духа и сильных чувств писатель создал образ старшины Мохнакова, способного к насилию, готового переступить черту человечности, пренебречь чужой болью. Трагедия Бориса Костаева на его фоне становится еще яснее. Однажды в разговоре с Люсей Борис произнесет очень важные слова о том, что страшно привыкнуть к смерти, примириться с ней. И с Борисом, и с Мохнаковым, находившимися на передовой, постоянно видевшими смерть во всех ее проявлениях, случается

то, чего боялся Костаев. Они привыкли к смерти. Повесть В. Астафьева предостерегает: “Люди! Это не должно повториться!”.

Образ героя. «Василий Теркин»

Из фронтовых стихов А. Твардовского складывалась его талантливейшая поэма «Василий Теркин. Книга про бойца» (1941 —1945), ставшая в годы Великой Отечественной войны значительным общественным явлением.

В «Книге про бойца» автор создал образ огромной впечатляющей силы — образ героя Священной войны и вместе с тем запечатлел героическую борьбу всего советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Вечные темы жизни и смерти, войны и мира, добра и зла, любви и ненависти предстали в поэме в новом свете — в слиянии с великой правдой борющегося народа.

Духовный облик героя поэмы раскрывается в движении. В главе «На привале», представляя читателю Василия Теркина, автор подчеркивает его «обыкновенность», отсутствие в нем какой-либо исключительности:

Теркин — кто же он такой?

Скажем откровенно:

Просто парень сам собой

Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.

Парень в этом роде

В каждой роте есть всегда,

Да и в каждом взводе.

Постепенно раскрывается перед нами характер советского солдата. Во всех ситуациях он проявляет необычайную силу духа, жизнелюбие, неистощимый оптимизм, чуждую внешних эффектов храбрость, готовность

к взаимопомощи, трудолюбие, терпение. Это те качества народного характера, которые делают Теркина собирательным образом советского бойца.

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь крошечный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Мужество, самоотверженность советских воинов воспеты в знаменитой главе «Переправа».

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым...

Естественно, непринужденно и спокойно ведется повествование — а сколько драматизма, трагической напряженности ощущается в этой батальной картине! Только первому взводу удастся переправиться и закрепиться на другом берегу — остальные попадают под обстрел:

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

В этой смертельно опасной ситуации Василий Теркин совершает беспримерный подвиг. Под сильным обстрелом он снова переплывает ледяную реку, чтобы доложить полковнику:

Взвод на правом берегу

Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...
Глава «Переправа» завершается словами глубокого смысла:
Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Высокие моральные и боевые качества Василия Теркина раскрываются в главах «Теркин ранен», «Гармонь», «Поединок», «Кто стрелял?», «Бой в болоте», «В наступлении», «Смерть и воин», «На Днепре» и других. Каждая глава является звеном в раскрытии характера главного героя поэмы. Подвиг для Василия Теркина — это честное, самоотверженное исполнение солдатского долга. Главное качество его души — в минуту грозной опасности думать не о себе, а о других. В Теркине слились черты былинного героя и простого солдата. Это характер героический, характер народный.

Биография героя поэмы — это биография армии, миллионов советских людей: герой отступал, был ранен, вернулся в строй, победил, вошел в Берлин... Вместе с тем в Теркине поэт запечатлел и индивидуальные, неповторимые черты живого, правдивого характера. Это человек веселый, «большой любитель жить», ничто человеческое ему не чуждо, для него естественны храбрость и героизм, грусть и слезы, он «Человек простой закваски, Что в бою не чужд опаски», он талантлив во всем — в воинском подвиге и в быту. Все поступки и действия Василия Теркина красивы своей естественностью, неповторимостью — все он делает «так-то ладно,

так-то складно». Твардовский любит складом и ладом ума и сердца своего героя.

Василий Теркин всегда бодр и весел, и порою может показаться, что он просто шутник, балагур; однако юмор Теркина служит средством поддержания духа бойцов, и в веселой шутке, задушевном рассказе, в понимании людей герой поэмы под стать самому автору. Теркин чаще всего шутит в минуты серьезной опасности, шуткой он борется с трусостью и малодушием, своим примером воспитывает молодых, «необстрелянных» солдат.

Рядом с Теркиным в поэме немало эпизодических персонажей: безымянные герои — бойцы, мать солдата, жена солдата, старик-колхозник — бывший солдат старой русской армии, повар, который Василию Теркину «ложку лишнюю кладет», генерал, награждающий Теркина орденом, однофамилиец Василия — Иван Теркин... Герой поэмы — весь советский народ, поднявшийся на защиту своего Отечества. Защитники Родины — артиллеристы, танкисты, пехотинцы — труженики-солдаты, мастера своего дела. Твардовский создал поистине эпическую картину Священной войны советского народа против фашистской Германии.

В поэме раскрываются нравственные истоки всемирно-исторического народного подвига.

Сила силе доказала:
Сила силе — не ровня,
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня!

Так выражена главная мысль автора — о моральном превосходстве Советской Армии над фашистскими полчищами.

Рассказ о судьбе Теркина, о событиях войны сопровождается авторскими отступлениями о Родине, о Священной войне, о судьбе народной, о силе духа наших воинов. Авторское повествование пронизано глубоким лиризмом и народным юмором, присущим Твардовскому.

Глубина чувств и переживаний солдата, сражающегося за Родину, созвучна душевному миру поэта-фронтовика, голоса героя и автора нередко дополняют друг друга. Судьба Василия Теркина «дорога, родна до слез» Александру Твардовскому:

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Твардовский нашел простые слова, чтобы со всей «правдой сущей» воспеть мужество, самоотверженность, беспримерный героизм советских людей. «Книга про бойца» написана в форме живой беседы. Характер повествования сказово-непринужденный. Творчески используя богатство фольклора, традиции реалистической русской поэзии, новаторский опыт зачинателей советской литературы, автор «Василия Теркина» достиг высокого поэтического мастерства. Поражают точность слова, естественность интонаций, ясность мысли.

«Книга про бойца» отличается жанровой новизной, завершенностью глав и композиционной стройностью в целом, стилевым богатством и разнообразием повествовательных приемов. Автор выбрал свободную манеру повествования о боях и ранениях, о госпитале и фронтовых дорогах, о солдатской еде и о возможной гибели на фронте, о чувствах и переживаниях человека на войне. Эпические главы чередуются с лирическими, а взволнованная «песня-речь» и «песня-сказка» сменяется авторским монологом.

Поэма «Василий Теркин», отражающая многие события войны, не имеет сюжета в общепринятом смысле слова.

Однако кажущееся отсутствие единого сюжета не мешает автору, как уже говорилось, последовательно раскрывать и развивать характер Василия Теркина. Рассказ о бойце и его товарищах являет собой композиционно целостную картину великого подвига народа. Духовный

облик главного героя выявляется «с первых дней години горькой» до похода «вплоть до вражеской столицы». Многие главы сюжетно связаны между собой. Так, глава «Перед боем» как бы подготавливает следующую — «Переправа», а небольшую главу «О войне» можно рассматривать как вступление к главе «Теркин ранен». Глубокая внутренняя связь существует между главами «Переправа» и «На Днепре», в которых изображена переправа через реку в разных условиях войны.

В «Книге про бойца» с необыкновенной глубиной, исторической правдивостью и покоряющей силой создан образ советского солдата, проявившего несгибаемую волю к Победе и достигшего ее со всей славной Советской Армией. В изображенных событиях нашло отражение противоборство сил социализма и фашизма с трагических дней начала войны и до победоносного завершения ее в Берлине.

Исследователями и критиками творчества Твардовского немало сказано о глубокой диалектичности его поэзии. Жестокая память войны - и есть такой насквозь пронизанный диалектикой образ, диалектикой переживаний, картин и положений, включивший в себя, помимо прочего, и прозорливое предвидение автора, как бы забегание его вперед, что эта «память-боль» не канет бесследно, а будет передаваться последующим поколениям: «И память-боль, - на том стоит, - она не убавлялась, она от мертвых к нам, живым, в пути передавалась».

Так оно и случилось. В жизни и в литературе. Сегодня можно со всей определенностью сказать, что именно здесь, в сердцевине поэтического образа «памяти-боли», «жестокой памяти», лежит исток того направления, какое получила в нашей литературе проза о войне 40-60-х годов.

Точнее будет сказать и по-другому: именно сильное, мощное, жизнеспособное развитие прозы о войне, так, как оно складывалось, протекало на наших глазах, подтвердило все первородство, всю значительность художественного открытия Твардовского.

Подвиг человека на войне **(М. А. Шолохова «Судьба человека»)**

Никто не любит войну. Но на протяжении тысячелетий люди страдали и гибли, губили других, жгли и ломали. Завоевать, завладеть, истребить, прибрать к рукам — все это рождалось в жадных умах как в глубине веков, так и в наши дни. Одна сила сталкивалась с другой. Одни нападали и грабили, другие защищали и старались сохранить. И во время этого противостояния каждый должен был показать все, на что способен. Примеров геройства, мужества, стойкости и храбрости в русской истории достаточно. Это и нашествие татаро-монголов, когда русским приходилось, не щадя себя, драться за каждый клочок родной земли, когда их многомиллионная армия вынуждена была неделями брать города, защищаемые одной-двумя сотнями героев. Или во время нашествия Наполеона, прекрасно описанного Толстым в “Войне и мире”, мы встречаем безграничную силу, мужество и единение русских людей. Героем был и каждый отдельный человек, и весь народ. Чем больше становилось население земли, тем больше ненависти копилось в сердцах, тем ожесточеннее становились войны. С развитием науки совершенствовалась и военная техника, военное искусство. Все меньше зависело от каждого отдельного человека, все решалось в битвах огромных армий и техники. И все-таки люди оставались определяющим фактором. От поведения каждого зависела боеспособность рот, полков, армий. На войне нет сверхгероев. Герои все. Каждый совершает свой собственный подвиг: кто-то рвется в бой, под пули, другие, внешне незаметные, налаживают связь, снабжение, работают на заводах до изнеможения, спасают раненых. Поэтому именно судьба отдельного человека особенно важна для писателей и поэтов. О прекрасном человеке поведал нам Михаил Шолохов. Много испытал герой и доказал, какой силой может обладать русский человек. До войны жил он обычной, неприметной жизнью. Работал “в плотницкой артели, потом пошел на завод, выучился в слесаря”. Нашел себе хорошую,

добрую, любящую жену. Родились у них дети, пошли в школу. Все было спокойно, тихо, гладко. И стал человек подумывать о счастливой старости. “А тут вот она, война”. Все надежды перечеркивает и заставляет расстаться с домом. Но долг перед Родиной и перед самим собой заставляет Соколова смело идти на встречу с врагом. Ужасные мучения испытывает любой человек, отрываясь от любимой семьи, и только по-настоящему мужественные люди могут идти на смерть не только ради своего дома и родных, но и ради жизни и спокойствия других людей. Но воевать не так просто, как кажется. Во время боя трудно соблюдать порядок и ясность. Где враг, где свои, куда идти, в кого стрелять — все перемешивается. Так и Соколов в хаосе войны был контужен и попал в плен. “Очнулся, а встать на ноги не могу: голова у меня дергается, всего трясет, будто в лихорадке, в глазах темень...” Тут его фашисты и взяли. И здесь, в плену, начинаются самые страшные испытания. Люди отрезаны от Родины, шансов на выживание нет, а еще издевательства и истязания. “Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет еще смотришь...” Кормили плохо: вода, баланда, иногда хлеб. А работать заставляли с утра до вечера. Но быть в плену — это не значит быть бесполезным стране. Это не предательство, не слабость. Даже в плену есть место подвигу. Нельзя падать духом, надо верить в победу, верить в свои силы и не терять надежды на избавление. Несмотря на то что человека лишили погон, оружия, он все равно должен оставаться солдатом, до конца быть верным своей Родине. Вот почему Соколов не может принять предательства Крыжнева. Этот мерзкий и низкий человек готов выдать друзей ради своей жизни. “Своя рубашка к телу ближе”, — говорит это ничтожество. И поэтому, исполняя свой солдатский долг, Соколов своими руками задушил предателя и не испытал при этом ни жалости, ни стыда, а лишь омерзение: “...будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил...” Много еще пришлось Соколову увидеть и испытать в плену. Гоняли их по всей Германии, унижали, заставляли гнуть спину. И не раз смерть проходила рядом. Но самое сильное, самое острое

испытание случилось с Соколовым при встрече с комендантом лагеря Б-14, когда реальная угроза смерти нависла над ним. Именно здесь решалась судьба Соколова как солдата, как настоящего сына Родины. Ведь умереть достойно тоже надо уметь! Не пойти на поводу коменданта и сохранить человеческое достоинство до конца смог Соколов. Не спасовал перед властью, а, наоборот, показал себя достойно. И неслыханной волей Соколов отвоевал у судьбы право на жизнь. И даже немецкий офицер признал в Соколове личность, а не раба, безропотно идущего на смерть. С этого момента Соколову полегчало. Он даже устроился работать шофером. Русские наступали и были уже близко. С необычайной силой возросла в Соколове тяга к Родине. И страх, и чувство опасности отступили на второй план, рискуя жизнью — всем, что у него осталось, — Соколов прорывается через линию фронта. “Милый ты мой губошлеп. Сынок дорогой! Какой же я тебе фриц, когда я природный воронежец?” — восклицает он при встрече со своими. Радость его неизмерима. Много трудна, страшна была судьба Соколова. Он потерял близких, родных. Но важно было не сломаться, а выстоять и остаться солдатом и человеком до конца: “На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы все вытерпеть, все снести...” И главный подвиг Соколова в том, что он не зачерствел душой, не обозлился на весь свет, а остался способным любить. И Соколов нашел себе “сына”, того самого человека, которому он отдаст всю свою судьбу, жизнь, любовь, силы. С ним будет и в радости и в горе. Но ничто не изгладит из памяти Соколова этот ужас войны, его понесут с собой “глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть”. Соколов жил не ради себя, не ради славы и почестей, а ради жизни других людей. Велик его подвиг! Подвиг во имя жизни!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог сказанному, можно отметить, что анализ развития русской литературы о Великой Отечественной войне со всей очевидностью показывает, что в кругу основных ее проблем главной, стоящей на протяжении более чем сорока лет в центре творческого поиска наших писателей, являлась и является проблема героизма.

Для каждого этапа развития военной прозы характерны свои особенности в решении этой проблемы. Если в большинстве произведений военных лет и первого послевоенного десятилетия писатели показывали, как правило, сам подвиг, деяние, то на современном этапе, творчески развивая опыт предшественников, художники слова основное внимание уделяют исследованию побудительных мотивов героического действия. Нравственный, морально-этический аспект является сегодня основным в осмыслении проблемы героизма.

Одной из главных особенностей всей советской военной прозы остается ее постоянное внимание к человеку. И чем дальше уходят от нас события войны, тем это внимание становится все более пристальным. Особенно заметно это в творчестве писателей-фронтовиков, крупным планом показавших в своих произведениях рядового участника войны, простого солдата.

На современном этапе центральным конфликтом в произведениях о войне по-прежнему является противоборство двух враждебных миров — мира фашизма и мира социализма. Именно в этой бескомпромиссной борьбе главным образом и выявляется сила духа героев нашей литературы, их высокие моральные качества. Вместе с тем наряду с основным (внешним) конфликтом все большую и большую роль в военной прозе начинают играть конфликты внутренние, нравственные.

Заметно усилилось в последние годы внимание наших художников слова к гуманистической проблематике. Человечность, доброта, совесть,

справедливость — как проявляются и какое место занимают эти понятия в суровой и жестокой фронтовой действительности? Вот вопросы, которые постоянно встречаются в произведениях современной военной прозы.

Интересные изменения претерпевала наша проза о войне в жанровом отношении. Малые, «оперативные» жанры военных лет сменил в первое послевоенное десятилетие «панорамный» роман, пытавшийся показать события широко, объемно, но недостаточно внимания уделявший глубинному изображению характера героя. Как бы реакцией на «панорамный» роман явились рассказ и повесть, занявшие в конце 50-х — начале 60-х годов преимущественное место в нашей литературе и наиболее соответствующие «периферийному» изображению войны. Именно в рассказе и повести этих лет советские писатели, особенно писатели-фронтовики, основное внимание уделяли рядовому участнику великой битвы, его внутреннему, духовному миру.

Но с течением времени все более и более стала ощущаться общественная потребность в многостороннем, «глобальном» осмыслении народного подвига. И сегодня можно определенно сказать, что на современном этапе основной тенденцией в изображении событий войны является стремление художников слова показать их как можно более многогранно, уделяя одинаково пристальное внимание и «окопу», и «высоким штабам».

Заметную роль в современной «батальной» прозе стали играть «документ» и «факт», органично сочетающиеся с художественным вымыслом и придающие повествованию большую историческую достоверность и убедительность.

Естественно, что более объемное содержание, более широкое изображение событий, «глобальное» их осмысление потребовало и более крупных жанровых форм.

Но значит ли это, что только такой подход к военной теме плодотворен сегодня, что только «глобальное» изображение военных

событий имеет право на жизнь, а писатель, показывающий «периферию войны», как утверждают это некоторые критики, заведомо обедняет свое произведение? Вряд ли с этим можно согласиться.

Бесспорно, что изображение войны, которое мы находим в романе, намного шире и многограннее, чем в повести или рассказе. Но, как отмечал В. Быков, «искусство и литература о войне, питая определенную склонность к эпическому и возвышенному, нередко проходят мимо частного и обыденного, какими бы характерными они ни являлись». В этом смысле у повести и рассказа, охватывающих гораздо меньший диапазон событий, есть свои преимущества. Писатели, работающие в этих жанрах, особое внимание уделяют внутреннему миру человека на войне, всестороннему осмыслению психологии рядового участника сражений, углубляя тем самым разработку характера героической личности.

И пусть художник не стремится к «глобальному» охвату событий войны. Но если «правда факта» не заслоняет от него большой правды жизни, если детали войны не вытесняют на второй план ее героического пафоса, то даже при малой населенности произведения, при нешироком охвате событий талантливое перо выявит и правду эпохи, и смысл процессов, определивших движение времени.

И то, что художники слова, активно работающие над военной темой, будучи близки друг другу в главном — верности правде жизни, утверждении героического пафоса Великой Отечественной войны, ее освободительных, патриотических и интернациональных идеалов, идут каждый своим индивидуальным путем, следуя природе и зову своего таланта, лишней раз говорит о богатстве нашей прозы, о неисчерпаемых ее возможностях.

И лучшим подтверждением этого может служить творчество писателей, речь о которых мы вели в нашей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А. Лирика и эпос Великой Отечественной Войны. – М.: Советский писатель, 1972
2. Быков В. Повести. – М.: Азбука, 2005
3. Журавлев С.И. Память пылающих лет: Советская проза о Великой отечественной войне. – М.: Просвещение, 1985
4. Русская литература XX века / Под ред. В.В. Кожина. – М.: Русское слово, 1999
5. Твардовский А.Т. Стихотворения и поэмы. – М.: Просвещение, 1983
6. Шолохов М.А. Рассказы. – М.: Худож. Лит., 1989